

Юбилей большого мастера

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СЦЕНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАСЛУЖЕННОГО АРТИСТА

Л. С. ЛЕОНТЬЕВА

30 ноября советская театральная общественность отмечала 30 лет работы на балетном театре засл. артиста республики Л. С. Леонтьева. В многочисленных приветствиях отмечалась многосторонность творческой деятельности Леонтьева — говорили о Леонтьеве как об исполнителе, как о балетмейстере, как о педагоге, как об общественном деятеле.

Леонтьев исключительно многогранен, но не только в этом дело.

Существеннейшим свойством Леонтьева, отличающим его от многих артистов балета, является то, что он артистичен в полном смысле этого слова.

Леонтьеву уже не мало лет. Дело приближается к концу пятого десятилетия.

Но Леонтьев попрежнему волнуется, кипит, живет радостями театра, болеет за его неудачи.

Прежде всего и всегда Леонтьев артист. Вот потому-то у Леонтьева нет просто танцев, он не может только танцевать, он играет танцуя, обогащая свою игру сложнейшими эмоциональными красками.

На ряду с этим Леонтьев обогащает превосходную технику, используя ее не как самоцель, а как средство для достижения цели, т. е. раскрытия в танце действительного содержания.

И начиная буквально от школьной скамьи, Леонтьев вносит в свое исполнение особую специфику, обусловленную его личным артистизмом.

Как артист балета Леонтьев дебютирует в 1903 г. в балете „Привал кавалерии“.

Его первой сольной ролью была роль кузнечика-музыканта в балете „Капризы бабочки“, где Леонтьев танцует с Преображенской (Бабочка) и Н. Г. Легатом (Феникс).

Участвуя в Дягилевской поездке в Зап. Европу, Леонтьев создает блестящий образ Арлекина в балете „Карнавал“, играя вместе с Карсавиной — Коломбиной.

За время своей 30-летней деятельности Леонтьев танцевал в 37 балетах, причем во многих балетах он выполнял не одну, а несколько ролей.

Разнообразие этих ролей поистине изумительно, столь широк творческий диапазон Леонтьева: Кот в сапогах, Голубая птица, злая фея Карабос („Спящая красавица“), Исаак („Корсар“), Иванушка-дурачок („Конек-Горбун“), Гренгуар („Эсмеральда“), Санчо-Пансо („Дон Кихот“), учитель

танцев („Крепостная балерина“), отец Асака („Сольвейг“) Ли Шан-фу („Красный мак“) и мн. др.

В день юбилея были поставлены два балета: „Петрушка“ и „Жизель“, причем Леонтьев в первом балете играл главную роль, а во втором — роль Ганса.

Особый интерес вызывает исполнение Леонтьевым образа Петрушки.

В 1-й картине, когда фокусник одергивает занавеску своего театра, Леонтьев-Петрушка еще кукла. Движения его связаны, рисунок движений очень резкий, механический. И даже тогда, когда фокусник приказывает куклам выйти из театра, Петрушка подпрыгивает, словно марионетка. Когда Петрушка бьет палкой арапа, он кажется слепым, словно не видя, он наносит эти удары, подобно заведенному механизму, без силы и твердости.

И во 2-й картине, в комнате Петрушки, перед нами уже не столько марионетка, сколько живое существо.

Леонтьев здесь достигает высшей степени своего мастерства. Точно рассчитанными движениями, строго

соразмерными с музыкой, очень скупыми, но необыкновенно выразительными, он создает образ несчастного Петрушки, плачущего над своей злой долей жалкой игрушки в руках притеснителя-фокусника.

Хореографический образ Петрушки, создаваемый Леонтьевым, очень значителен по силе и выразительности.

Конечно, балет „Петрушка“ — не наш советский балет. Это типичный буржуазный балет с отчетливым идеалистическим мирозерцанием. Но тем не менее мы обязаны критически освоить изумительное мастерство Леонтьева в процессе формирования советского балетного спектакля.

Леонтьев показал себя не только первоклассным исполнителем. Он и балетмейстер, т. е. автор всего спектакля. Наиболее удачной постановочной работой Леонтьева следует считать „Петрушку“ (1920 г.). „Времена года“ поставлены были несколько сухо. „Красный мак“ — последняя и удачная постановочная работа Леонтьева.

Кроме того, Леонтьев — педагог. По его классу окончили Балетную школу Вильтзак, А. Лопухов, Петров, Шавров, Дудко и многие другие.

Особый интерес вызывает преподавание им в школе пантомимы. В свое время говорили о том, что Леонтьев шаблонизирует пантомиму, вталкивая ее в какие-то узкие технические рамки и не увязывая с конкретной действительностью.

Между тем установка Леонтьева в вопросе преподавания пантомимы была в общем верна, так как Леонтьев стремился в первую очередь дать ученику максимум возможностей для выявления его индивидуальных способностей.

Говоря о пантомиме, можно было бы дружески упрекнуть Леонтьева разве лишь за то, что он до сих пор не написал обещанного им учебника пантомимы.

Обещал он это сделать уже давно, но пока слова своего не сдержал.

И хочется в заключение привести слова самого Леонтьева:

„За мою 30-летнюю работу я переживал два периода: первый — с 1903 г. по 1918 г., носивший характер официально-формальный, и второй — с 1918 г. по 1933 г., когда ключом забила моя творческая работа. Только благодаря Октябрю мне удалось создать те новые произведения, которые меня интересовали“.

Н. ШУВАЛОВ